

Miscellanea

Смесь

ИЗОБРЕТАЯ НАЦИОНАЛЬНОЕ

УДК 930.1; ББК 63.3+60.03; DOI <https://doi.org/10.21638/spbu19.2022.208>

Л. П. Репина

ПРАКТИКИ ИСТОРИОПИСАНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На рубеже XX–XXI вв. стали очевидны серьезные перемены в общественном сознании, в сфере социально-гуманитарного знания и в историографической практике, включая отступление парадигмы национальной истории с доминирующих позиций, которые она занимала с XIX в. Национальная /национально-государственная история в современной критике отождествляется с «мастер-нарративом» и, как правило, связывается с решением политической задачи закрепить идею нации, поместив ее в долговременную историческую перспективу, с целенаправленной «культивацией национальной

© Л. П. Репина, 2022

идентичности»¹. В этой связи настойчиво подчеркивается, что мировая / глобальная история направлена не на познание неких общих принципов или смысла истории, а на описание событий и сравнительный анализ процессов². Конечно, национальная история, как инструмент формирования и поддержания коллективной идентичности, и сегодня остается влиятельной и востребованной по всему миру. Однако все чаще поставленные историками проблемы не укладываются в пространственно-временные рамки существования какого-либо государства и выводят на социально-территориальные структуры иных уровней, от локального до глобального. Вместе с тем, анализ предлагаемых моделей взаимодействия локального и глобального в построении идентичности свидетельствует о том, что они отнюдь не «игнорируют продолжительное влияние идеи нации»³.

Что касается «новой мировой» истории, имеющей относительно недавнее происхождение, то она характеризуется как «подлинно аналитическая» и противостоящая идеологизированным телеологическим версиям, «связная» и «целостная история», и ассоциируется с «развитием *более интернациональной ориентации* (курсив наш. – Л. Р.)». «Более интернациональная» ориентация в данном случае приписывается «менее европоцентристской», «постколониальной» истории, которая характеризуется как история «диалогичная», способная учитывать «взгляд с периферии», то есть позицию другой стороны. Большинство специалистов считают главной задачей мировой истории изучение *взаимодействий между людьми*, участвующими в крупномасштабных исторических процессах. Подчеркивается, что новая мировая история «избегает ловушки противопоставления «своей» цивилизации всем остальным «варварам»⁴.

Параллельно поиск современного взгляда на бесконечное разнообразие исторического опыта формирует новую стратегию компаративной истории (*new comparative history*), которая не практикует деконтекстуализацию сходных явлений в рамках универсалистской, или же эволюционной (по сути, европоцентристской) парадигмы, а сосредоточивает внимание на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их историческими контекстами, учитывая разнообразие культурных традиций и сознательно акцентируя – наряду с обнаруживаемыми аналогиями – контрасты и различия. Принципиальный контекстуализм, способный обеспечить выход за пределы привычных административно-государственных границ⁵ и исторически сложившихся европоцентристских ограничений, за рамки «имперского» и «колониального» дискурса, выступает как насущная задача исторической науки нынешнего века и – что важно – признается таковой как в зарубежной, так и в российской историографии. «Новая компаративная история» преодолевает границы априорно устанавливаемых национальных, региональных и локальных контекстов,

¹ См.: *Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. by K. Boyd. L.; Chicago, 1999. Vol. 2. P. 856.

² *Encyclopedia of Historians...* Vol. 2. P. 1330.

³ *Local/Global Narratives* / Ed. by R. Rechtien, Karoline von Oppen. Amsterdam; N.Y., 2007. P. 2.

⁴ Geyer M., *Bright Ch. World History in a Global Age* // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1041. Cp.: Chakrabarty, Dipesh. A Global and Multicultural «Discipline» of History? // *History and Theory*. 2006. Vol. 45. N 1. P. 101–109.

⁵ См., в частности: Мегилл, Аллан. Границы и национальное государство: предварительные заметки // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 42–58.

нередко используя для концептуализации изучаемых явлений и их трансформаций понятие «культурного переноса / трансфера» (отсюда – *histoire des transferts*)⁶ и выявляя его медиаторов. При этом ключевой дискуссионной проблемой как современной сравнительно-исторической социологии, так и новой «кросс-культурной компаративной истории» была и остается необходимость осознанного выбора критериев, теоретических оснований для сравнения⁷.

Анализ многочисленных программно-теоретических публикаций позволяет получить представление о сформировавшемся идеальном образе подлинно *всеобщей*, или *всемирной* (в смысле ее планетарного охвата) истории как истории *глобальной* (не *универсальной*, но *связанной*). Согласно этим программам, в идеале современная мегаистория, претендующая на столь высокое звание, должна решительно отказаться от иерархических категорий превосходства и доминирования в пользу принципиально равноудаленной концептуализации различий, покончить, наконец, с откровенным и даже завуалированным европоцентризмом, с универсализмом (в его традиционном понимании), классическим эволюционизмом, футуроцентризмом и телеологизмом, стать принципиально мультиперспективистской и контекстуально-ориентированной, оставлять место для возможных альтернатив и иметь даже не собственно интегративный, а подлинно коммуникативный характер. Современная картина «новой мировой истории» представляется в виде многоуровневой сетевой модели как полицентричное множество различных взаимодействующих локальных и частных процессов.

Мультиперспективистский подход, который становится превалирующим в теоретических моделях, а также в широко понимаемых и зачастую переплетающихся исследовательских пространствах «транснациональной», «перекрестной», «связанной», «включенной» истории (*transnational, histoire croisée, connected history, entangled history*) и др. аналогичных направлений, помещает в фокус исследования *взаимосвязи, циркуляции, взаимообмены и взаимовлияния*, объединяющие общества, культуры и цивилизации и выраженные через категории *сетей, потоков, медиаторов* и т. п.⁸ Так, в основе *перекрестной истории* лежит идея пересечения, исключающая осмысление единичных целостностей и предполагающая активное взаимодействие, что означает многомерность и сложность исследовательских конфигураций. В рамках «перекрестных историй» речь, в частности, идет о том, чтобы *перемещать позицию наблюдателя*,

⁶ *Espagne M.* Les transferts culturels franco-allemands. Paris, 1999; *Эспань, Мишель.* История цивилизаций как культурный трансфер. М., 2018. – См. также: *Ионов И. Н.* Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня и трансдисциплинарный анализ цивилизационных представлений // *Общественные науки и современность.* 2020. № 1. С. 148–163.

⁷ См.: *Detienne M.* Comparer l'incomparable. Paris, 2000; *Stratégies de la comparaison internationale / Dir. par M. Lallement, J. Spurk.* P., 2003; *Berger S.* Comparative History / Writing History. Theory and Practice / Eds. S. Berger et al. L., 2003; *Kocka J.* Comparison and Beyond // *History & Theory.* 2003. Vol. 42. P. 39–44; *Reynolds, Susan.* Empires: A Problem of Comparative History // *Historical Research.* 2006. Vol. 79. No. 204. P. 151–165. – Анализ междисциплинарных перспектив компаративной истории в прошлом и настоящем и ее «дрейфа» от объяснения к интерпретации см.: *Келли Д.* Основания для сравнения // *Диалог со временем.* 2001. Вып. 7. С. 89–105.

⁸ См.: *Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness / Ed. by Yehuda Elkana et al.* Frankfurt am Main; New York, 2002; *Subrahmanyam S.* *Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges.* Oxford, 2005; *Hunt, Lynn.* *Writing History in the Global Era.* N.Y. and L., 2014; etc.

делать ее децентрированной и не фиксированной, используя разные категориальные системы и точки зрения⁹.

Специалисты по современным версиям макроистории ставят резонный вопрос: как, с учетом сложности предлагаемых моделей, можно писать сегодня транснациональную историю мира или глобальную историю человечества? Некоторые из них представляют мировую историю как подход, который включает в свое пространство все народы, создавая альтернативу европоцентричным концепциям прошлого. В этом контексте понятие «цивилизация» трактуется как обозначение множества групп (с разными социокультурными характеристиками), сосуществующих в границах установленных договоренностей относительно легитимности правителей и условий обмена. Историков призывают изучать – на глобальном уровне – те способы, которыми разные группы «переустроивали» эти границы, постоянно расширяя многосторонние контакты с «другими». В этой ситуации особый интерес вызывает диалектика пересечений в модели обновленной региональной истории с характерной акцентировкой ее альтернативности категориям классической «универсальной», национальной и «имперской» истории.

Как известно, региональный нарратив (как и любой другой исторический нарратив) может выступать объектом изучения как форма «историографического письма» или выражение исторического сознания, но здесь он интересует нас в сугубо методологическом плане, а именно как потенциальный ресурс современных макроисторических построений разного типа, включая прежде всего те, которые называют «новой историей империй».

Стартовым моментом новой модели региональной истории является отход от перспективы национальной истории. Если регион определяется как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национально-государственного и глобального», то региональная история – как «история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе»¹⁰. Эта возможность региональной истории противостоять однолинейным нарративам национальной и классической всемирной истории создает ей определенные преимущества.

В региональных историях речь все чаще идет не о территории, а о региональной идентичности (с учетом важной роли фактора миграций в ее становлении и трансформации), причем не только в пределах «своих» национальных государств или в «регионах, соединяющих нации-государства», но и в регионах, «рассекающих» все ныне существующие административно-государственные границы (включая социальное пространство контактных зон).

Региональная история сегодня рассматривается в двух несовместимых культурных традициях, имеющих разную идейную ориентацию: с одной стороны, как эффективная форма исторического познания, в которой находят применение теории, методы и концепции смежных дисциплин – к примеру, концепции «ментального пространства» и «воображаемых сообществ», а с другой стороны, как способ мобилизации исторической памяти в интересах конструирования локальных идентичностей (этнического самосознания). Нет недостатка в политико-идеологических и морально-этических аргументах относительно

⁹ Подобная стратегия описана в книге: *Ионов И. Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. М., 2007. С. 465–476.

¹⁰ См.: *Мегилл А.* Границы и национальное государство. Предварительные заметки // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 42–58.

значимости изучения пограничных зон, представляющих опыт (хотя неоднозначный и зачастую конфликтный) совместного существования разных этнокультурных групп. Отнюдь не случаен все возрастающий интерес к проблемам кросс-культурного взаимодействия и истории пограничных регионов (*borderland history*) и так называемых *контактных зон*: ведь именно в таких регионах «переплетаются» исторические судьбы взаимодействующих народов, искусственно разделяемые в противоречащих друг другу историографических традициях, в этих социальных пространствах интенсивных коммуникаций происходит формирование новых идентичностей.

В отсутствие серьезной методологической проработки, акцент на проблематику исторической памяти в региональных исследованиях нередко оказывается не просто малопродуктивным, но откровенно манипулятивным в духе идеологии регионализма и «этнизации прошлого». Что же касается научной парадигмы локально-региональных исследований, то она имеет совершенно иную направленность, развиваясь как антидот от «национализации прошлого», к которой, как правило, приводит доминирование традиционной перспективы национально-государственной историографии, ориентированной на задачи государственного строительства и национальной самоидентификации.

В целом, интегративная модель исследования, направленная на выявление локальных, региональных, межрегиональных социальных сетей и раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них регулярных или спорадических взаимодействий и выходов в транснациональное пространство, представляется весьма многообещающей. «Опутывая» пространства разных уровней и масштабов, эта непрерывно флуктуирующая сеть формирует соединительную ткань социального целого. Данная модель исторического исследования корреспондирует с концепцией регионов как серии связанных социальными отношениями перемежающихся пространств, разработанной специалистами по географии регионов, но она заметно отличается от последней модели включением, наряду с пространственным измерением, измерения темпорального – долговременной динамической составляющей. В научных программах локальной и региональной истории превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии.

В такой интеллектуальной атмосфере эффективное междисциплинарное сотрудничество может быть построено на разделяемой всеми его сторонами теоретической установке – приоритете социокультурного измерения и признании активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого»). В этой связи актуальной и критически важной задачей становится разработка проблемы межкультурного диалога вообще и, разумеется, диалога культур в его историческом измерении, в котором различные сценарии взаимодействия могут быть рассмотрены сквозь призму понимания «своего» и «чужого» прошлого. В социокультурных версиях новой региональной истории приоритет отдается изучению динамики межкультурных интеракций. Нетривиальность такого анализа состоит в том, что его конечная цель простирается гораздо дальше рассматриваемых регионов: сравнивая траектории и факторы регионального развития, исследователь приближается к постижению сложности и многообразия включающей их системы, а из регионального многообразия, дающего возможность скорректировать сложившиеся генерализации, складывается новая картина целого со сложной иерархией идентичностей. Эта картина сложной сети взаимосвязей

может быть восстановлена только как продолжение проведенного анализа. Ведь наука, как настаивал, говоря о трудностях и роли анализа в любом виде исследования, великий Марк Блок, «расчленяет действительность лишь для того, чтобы лучше рассмотреть ее благодаря перекрестным огням, лучи которых непрестанно сходятся и пересекаются. Опасность возникает только с того момента, когда каждый проектор начинает претендовать на то, что он один видит все...»¹¹.

Перекрестный подход предлагает более тонкий анализ самых разных проблем транснационального, мирового и регионального уровня. Впрочем, по имеющимся оценкам аналитиков, «связанная история», направленная на демонстрацию всего того, что связывает народы и культуры, в свою очередь, расширяет возможности для понимания способов интеракций между локальным, региональным и глобальным¹². В этом плане уместно привлечь внимание к концепции нового российского издания «Всемирной истории»¹³. По своему замыслу, это – всемирная история без европоцентризма, с раскрытием культурно-исторических особенностей развития каждого региона мира и многовекового процесса расширения, углубления и переплетения связей между некогда обособленными народами, с установкой на сочетание цивилизационного подхода с антропологическим, придающим истории «человеческое измерение». В качестве одного из ключевых моментов исследования отметим установку на реконструкцию панорамной картины исторического процесса в реальных пространственно-темпоральных координатах, обеспеченную регулярной синхронизацией региональных процессов в едином пространстве и их включением в глобальную панораму соответствующей эпохи. Второй важнейший момент – идея *межцивилизационного диалога и взаимовлияния*, отказ от универсализации и абсолютизации дихотомии Востока и Запада. И, наконец, освещение исторических событий пропускается через призму системы ценностей соответствующей культуры и эпохи и через интенсификацию культурных трансферов. Когда речь идет о процессе колонизации, подразумевается совместное действие таких факторов, как культурная гегемония и политическое доминирование, идентификация себя и «другого», восприятие культурных различий, практика дифференциации, включения и исключения¹⁴. Проект «Всемирная история», на мой взгляд, сделал важный шаг на пути реализации современной концепции исторического процесса как подлинно всеобщей и взаимосвязанной истории, хотя и далеко не все возможности современных макроисторических подходов в этом проекте использованы.

Одна из интереснейших тенденций макроисторических исследований связана с «новой историей империй», рассматривающей империи как сложные структуры в сравнительной перспективе и в режиме большой длительности. Объединяющий принцип «новой истории империй» – признание очевидного обстоятельства: крупные сдвиги постколониальной эры нельзя понять, не учитывая, до какой степени они являются наследием тех империй, которые господствовали над большей частью мира в течение трех прошедших

¹¹ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 82.

¹² Подробно об этом см.: Ионов И. Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194–218.

¹³ Всемирная история: в 6 тт. / Глав. ред. А. О. Чубарьян. М., 2011–2017.

¹⁴ Всемирная история: в 6 тт. / Глав. ред. А. О. Чубарьян. Т. 5. Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. 2015.

столетий и были, по существу, транснациональными организациями, созданными для мобилизации мировых ресурсов¹⁵.

Между культурно-историческим символом «Империя», выступающим как реликт имперской памяти, как «место памяти», «образ-воспоминание», и концептом «империя» в исторической науке, производящей деконструкцию образов имперского прошлого, нет пропасти. В многослойной памяти (в том числе в *имперской* памяти) наличествуют разные составляющие – эмоциональная, прагматическая (политико-идеологическая), когнитивная. Рассматривая разные стратегии построения памяти империй, есть смысл дифференцировать их по линии «внутренняя империя – внешняя империя» (в терминах Я. Ассмана). Политика памяти «внутренних империй» направлена на то, чтобы объединить все свое разнородное население вокруг какой-нибудь скрепляющей идеи (например, идеи верности династии или монарху). Для «внешней» империи характерна другая стратегия построения памяти – назовем ее *стратегией цивилизационного разделения*. В координатах этих стратегий и строятся соответствующие нарративы имперской и пост-имперской историографии. Разумеется, каждый обширный комплекс текстов, в которых нашли отражение конструирование имперской идентичности, а впоследствии ее пост-имперская деконструкция, требует развернутого анализа¹⁶.

Наиболее интересный пример в этом отношении представляет историографии Великобритании, формировавшая «образ исторического прошлого» одновременно в модели «внутренней» империи – «Британского Пространства» наций, регионов и локальных сообществ «островного государства» и «внешней империи», стратегия конструирования памяти которой строилась на основе идеи национальной исключительности и «цивилизаторской миссии «белого человека». Пять столетий конструирования общего прошлого в британской историографии (XVI – начало XXI в.) демонстрируют самые разные модели этого процесса. В XX в. долгий период распада Империи продуцировал разные версии «нарративов идентичности»: эксклюзивных, инклюзивных, суперинтегративных. Многочисленные исторические и историко-историографические исследования, связанные с проблематикой национальной идентичностей дают богатейший материал для анализа опыта историзации пост-имперского синдрома. Поскольку в поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности при динамичных общественных сдвигах чрезвычайно велика роль, которую играют имеющие глубокие корни национальные историографические традиции, возникает и потребность в анализе формирующих основу национальной идентичности исторических мифов массового сознания и их использования в дидактических целях, а также инструментов их идеологической переоценки в сменяющихся друг друга или конкурирующих нарративах, включая

¹⁵ Заметное место в «новой истории империй» занимает изучение идеологических аспектов «имперского строительства». См., например: *Pagden A. Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800. L., 1995; Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge, 2000; «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2022. Глава IV. Актеры Империи. С. 177–282; etc.*

¹⁶ Обстоятельный обзор дебатов о национальной идентичности в Великобритании 1990-х – 2000-х гг. см. во Введении к книге антрополога и историка Д. Н. Караваевой: *Караваева Д. Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург, 2016. С. 14–30.*

«национальную историю» как форму профессионального историописания, в которой на разных этапах развития общества создается новый образ единого национального прошлого, соответствующий запросам времени.

Национально-государственные нарративы, посвященные прошлому отдельных наций-государств, опирающиеся на однолинейную модель исторического процесса и предназначенные главным образом для образования и воспитания широкой читающей публики, представляют собой один из видов национальной истории¹⁷. В XIX в. национально-государственные нарративы заняли приоритетное место в классической европейской исторической науке, транслируя в общественное сознание представления об особой ценности собственного государства и выступая важнейшим инструментом формирования коллективной идентичности. Господствовавшая в европейской историографии XIX в. идея прогресса обосновывала позитивное освещение стратегии «присоединения» и «причисления» небольших народов к более крупным нациям с точки зрения перспектив общего развития¹⁸. В полиэтничных странах, не говоря уже об империях, этноцентрическая и национально-государственная истории, выступающие в логике традиционных «мастер-нарративов», могли вступать в диссонанс, акцентируя негативные различия («образ врага»), противостояние, напряженность и открытый конфликт. Сегодня стремление той или иной этнической общности укрепить свою историческую идентичность в ответ на вызов процесса культурной унификации усиливает стратегию негативных различий в репрезентациях «национальной истории».

Исторический нарратив любого уровня – монологическая и властная структура. Жесткая логика последовательного повествования неуклонно ведет читателя к той конечной точке в настоящем, из которой автору видится описываемая им историческая ретроспектива. Процедура любой групповой идентификации (в том числе национальной) в синхронном измерении включает разграничения «Мы» / «Они», «свои» и «не-свои» («Другие», «Чужие»), а в диахронном – признание непрерывной тождественности различных и изменяющихся во времени образов «Мы»¹⁹. Эта консолидирующая социум идея реализуется в Новое время в форме исторического повествования о судьбах наций и государств как неких сущностей, которые приобретают характер действующего субъекта и задают «основную ось исторического нарратива»²⁰. С помощью мифологических нарративов происходит закрепление в социальной памяти наиболее значимых эмоционально окрашенных исторических символов, знаковых событий и персон, во многом определяющих и восприятие всех последующих событий, а также ценностное отношение к ним (с различной модальностью – позитивное или негативное). Вопрос в том, как и с какой целью пишется история – как история

¹⁷ Подробно об этом см.: Маловичко С. И. Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории Долгого Девятнадцатого века // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 83–119.

¹⁸ Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998. С. 54–62.

¹⁹ Ретина Л. П. Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России / Отв. ред. Т. Л. Лабугина. 2019. С. 17–46.

²⁰ Вжосек В. Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5.

противостояния и конфликтов или как взаимно соотнесенная история их преодоления, история сближения и единства.

Этноцентрические нарративы определяют общность и различие как необходимые для идентичности и представляют историю как «столкновение цивилизаций» в борьбе за господство, причем растущая в нынешнем веке плотность межкультурных коммуникаций создает новые вызовы историческому мышлению²¹. В связи с этим, попытки преодоления этноцентризма и создания подлинно *общей* истории человечества требуют радикальной переориентации традиционных практик историописания. Размышляя об этом в своем недавнем интервью, Йорн Рюзен обратился к различию в понятиях «гуманизма»: «Ясперс рассказал нам об осевом времени, что было прорывом к новой идее о том, что люди – это не только наш народ, но и другие народы. Но эта универсализация имеет границы. Например, последователи Конфуция могут сказать: “Да, люди, не относящиеся к китайцам – это люди, но подлинные человеческие качества у нас!”. То же самое верно для классической Индии. В мире живут все остальные люди, но только на индийской земле (“бхарата”) люди могут переродиться и стать лучше. Это разновидности китайско-индийского этноцентризма. Мы знаем о таком же этноцентризме на Западе. Я называю эту идею человечества “эксклюзивным гуманизмом”. Исключительность означает, что доминирующей является идея о том, что быть человеком, как правило, значит быть человеком собственных традиций. Этот исключительный гуманизм все еще доминирует в актуальном межкультурном дискурсе. Следуя Ясперсу, я бы сказал, что интеллектуальный запрос второго (нашего) осевого времени, современности, состоит в том, чтобы превратить “эксклюзивный гуманизм” в “инклюзивный”. Нам не нужно растворять различия, но мы должны интегрировать их в универсальную форму общения»²².

В новых условиях, задаваемых сложной диалектикой национального и глобального, происходит переопределение идей целостности и универсализма и актуализируются идеи разнообразия и межкультурного диалога, прежде всего в рамках стратегии перекрестной истории. Вполне обоснованно природу современного исторического познания иногда определяют, как *диалогический историзм*²³. На основе принципа взаимного признания различий в культуре возможно преодоление этноцентризма в историческом мышлении. Ценности общения участников могут быть соотнесены в процессе диалога. Впрочем, понимание всегда диалогично – «это превращение чужого в *свое чужое*...»²⁴. В свете диалогических идей М. М. Бахтина, «...нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). Даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и на всегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться

²¹ См.: *Rüsen Jörn. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. Vol. 43. No. 4. P. 118–129.*

²² См.: «Мыслить историю разумно». Интервью с Йорном Рюзеном // «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Сост. и общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2020. С. 76–77.

²³ *Ионов И. Н. Глобальная история и изучение прошлого России // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 151.*

²⁴ *Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371.*

(обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде...»²⁵.

Рубеж XX–XXI вв., помимо прочего, был отмечен появлением «мемориальной парадигмы», в рамках которой разделяемые образы прошлого в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в окружающем мире и в конкретных ситуациях настоящего. За прошедшие несколько десятилетий в фокус внимания представителей социально-гуманитарных наук, в том числе многих историков оказались вопросы, связанные с соотношением истории и памяти, памяти и идентичности, с изучением форм сохранения и трансляции социально значимой информации и способов обращения с прошлым, типов исторического сознания, феномена «мест памяти», ритуалов коммеморации, «политики памяти», «исторической политики». Возник вопрос и о специфике практик историописания, структурирующих серии фрагментарных событий в упорядоченные нарративы (разномасштабные и по-разному организованные версии прошлого, в которых отобранные «факты» изображаются в соответствии с господствующей в обществе или в социальной группе оптикой. Вместе с тем, подразумевается, что восприятие и репрезентация прошлого зависят не только от условий историко-культурного пространства, но также от ситуации, статуса и целеполагания историописателя. История самых разных культурно-исторических общностей знает множество различающихся по своим последствиям ярких примеров «актуализации прошлого», обращения к историческому опыту с целью его переосмысления с позиций и в интересах настоящего.

Современная историография, все чаще обращаясь к изучению «политики памяти» и «исторической политики», в основном сосредоточена на разработке различных аспектов «использования прошлого», в то время как проблемы реконструкции в памяти разных поколений опыта *переживания* народами и отдельными группами исторических событий и процессов в сравнительной и кросс-культурной перспективах остаются недостаточно изученными, как и роль «культурной амнезии» в стереотипизации и мифологизации представлений о *недавно пережитом* опыте или противостоящая ей стратегия активации эмоционально-окрашенных воспоминаний. Вместе с тем концептуальная связка «память–идентичность–травма» – востребованный инструмент социально-гуманитарного анализа, который фокусирует внимание на коллективном, нормативном и культурно-семиотическом аспектах памяти. Именно в таком ракурсе используется концепт травмы для анализа нарративов национальной историографии, репрезентирующих значимые *исторические* события как последовательность, ведущую от «общего прошлого» к переживаемому настоящему и ожидаемому будущему.

В частности, модель, сфокусированная на стратегии историзации, придающей событию исторический смысл, соединяя ситуацию настоящего с опытом прошлого, может реализовать социальный заказ (в широком смысле этого слова) на восстановление идентичности. Память об общем прошлом и сознание ценности «своей истории» формируют национальное сознание и связь поколений, а пересмотр концепций национальной /

²⁵ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук... С. 373.

национально-государственной истории захватывает не только «живую» социальную память, но также глубинные пласты культурной памяти общества, сохраняемой традицией и обращенной к отдаленному прошлому. Уже два века культивируемая социумом и властью так называемая «народная память» и различные версии групповой памяти сосуществуют с другими образами прошлого, создаваемыми профессиональной, *научной историографией*, которая опирается на обладающее критической функцией историческое исследование и рационально-доказательные модели презентации получаемого *исторического знания*. Обычно предполагается, что, критически оценивая, сопоставляя и интерпретируя многочисленные «следы», оставленные исчезнувшим прошлым в исторических памятниках, исследователь преобразует *опыт и память* в «чистое» знание. По сути, речь идет о памяти, прошедшей проверку и фильтрацию, о памяти, подвергнутой коррекции и «преобразованной в историю». Одна из задач историка – объяснить, как и почему транслировалась, воспроизводилась, деформировалась или разрушалась та или иная традиция памяти – и это можно назвать *историей памяти*.

В поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности при динамичных общественных сдвигах чрезвычайно велика роль, которую играют в профессиональной историографии имеющие глубокие корни национальные историографические традиции. Отсюда – необходимость в анализе способов использования и идеологической переоценки формирующих основу национальной идентичности исторических мифов в профессиональных, как правило многотомных, версиях «великой саги национальной истории». Историками той или иной страны на разных этапах ее развития создается обновленный, но непременно имеющий тенденцию к канонизации образ прошлого в форме нарратива, демонстрирующего ключевые «места памяти» и символы «общей судьбы». В этой идеологически и политически мотивированной национально-государственной истории события, нарушающие идею единства, «собираания земель», логику государственной централизации и национальной консолидации, исключаются из исторического повествования (работает «стратегия умолчаний») или же подаются как случайные недоразумения. В определенной версии национальной истории, предъявляемой обществу инстанцией, обладающей достаточным авторитетом или силой, формируется идеологический конструкт, трактующий события прошлого в интересах властной элиты: речь идет, прежде всего, об исторической легитимации власти и использовании исторических мифов для решения политических проблем.

Обозначенные выше проблемы составили предмет исследования в ряде проектов²⁶, выполненных в Центре интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН и сетевой лаборатории «Исследования исторической памяти и интеллектуальной культуры» и направленных на изучение различающихся траекторий формирования национально-государственной идентичности в ее конкуренции с другими формами коллективной идентичности (региональной, этнической, конфессиональной, партийной и др.). В изданной в 2020 г. книге «Прошлое для настоящего» представлены также

²⁶ Их научные результаты нашли отражение в серии коллективных трудов. См., в частности: История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2006; Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2010; Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2012; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2017; и др.

некоторые результаты исследований, ориентированных на сравнительный анализ процессов конструирования национальной идентичности²⁷. Разумеется, проведенные case-studies сделали в этом направлении лишь первые шаги.

Полномасштабное компаративное исследование исторических траекторий формирования национальных идентичностей потребует разработать идеальную модель, способную охватить: а) долговременные процессы конкуренции политических проектов с использованием исторической аргументации; б) смену образов «триумфов»/«катастроф», «героев»/«предателей» в общественном сознании, а также в истории политической мысли и профессиональной историографии; в) условия и механизмы формирования и фиксации представлений об опыте недавнего и отдаленного прошлого; г) варианты воздействия образов прошлого в культурной памяти и социально-ориентированном историописании на мотивацию индивидуального и группового поведения; д) приемы национализации и инструментализации исторической памяти («политики памяти» сообществ и партийно-государственной «исторической политики»); е) оценку конфликтогенного потенциала псевдоисторических построений.

Таким образом, история историографии демонстрирует двойственную роль историков в формировании, трансляции и трансформации коллективной памяти о прошлом. История от памяти неотделима, они существуют в режиме сообщающихся сосудов, и именно эту позицию я хотела подчеркнуть, обозначив основной предмет исследования в виде двойного концепта «история-память», то есть история в одном из ее модусов, или как одна из форм памяти. В другом модусе истории как науки и как знания – историк может открыть то, чего нет в сознании людей, то, что касалось «незапамятных времен», просто полностью забылось или намеренно было предано забвению, но все же оставило свой почти неразличимый след. Пожалуй, короче и лучше всего об этом сказал Райнхарт Козеллек: «В истории вы можете доказывать все, что угодно, потому что история – это такое же изобретение, как и то, которое делается в любой другой отрасли науки и знания. Однако есть одна преграда – это источник, это то, что я называю «нет-сила» источника. Ни при каких обстоятельствах нельзя доказать то, что источники отрицают»²⁸. Впрочем, это уже другая тема.

Информация о статье

Автор: Репина, Лорина Петровна — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская Академия наук, профессор, Институт филологии и истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, Orc ID 0000-0002-8008-9388, Researcher ID A-8518-2018, SPIN-код 6630-2840, e-mail: lorinarepina@yandex.ru

Заголовок: Практики историописания в пространстве межкультурного взаимодействия

Резюме: За последние полвека историческая наука пережила череду «поворотов», обогатившись новыми подходами, что привело к качественным изменениям в предметном поле и проблематике исследований, в структуре исторического знания, в практиках историописания и профессиональном

²⁷ Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М., 2020. 464 с. – Авторы монографии рассматривают основные аспекты темы на материале истории и историографии России, отдельных стран Европы и Латинской Америки с существенно различающимися условиями и траекториями формирования национальной идентичности.

²⁸ Соколов А. Б. Интервью с Рейнхардом Козеллеком // Диалог со временем. 2005. Вып. 15. С. 336.

самосознании историков. В этом контексте заново переопределяется и приобретает новый статус современное историко-историографическое исследование. В основе профессиональной исторической культуры обнаруживается особый тип коллективной памяти, с характерными ценностями (прежде всего требованием достоверности) и средствами коммуникации, как внутри своего сообщества, так и с обществом в целом и с представителями другой культуры. Речь идет о попытке проанализировать и осмыслить специфические черты историографических текстов, созданных в различных хронотопах в условиях интенсивных контактов и противостояния формирующихся и взаимно-утверждаемых национально-культурных идентичностей. С другой стороны, в результате т.н. *пространственного поворота*, самым ярким проявлением которого стало формирование междисциплинарных исследовательских полей глобальной, новой мировой и новой региональной истории, в центре внимания исследователей оказались *коммуникативные процессы*, охватывающие развитие взаимосвязей в мире за последние полтысячелетия. Такая история предстает сегодня не только как совокупность эмпирических исследований, преодолевающих ограниченные горизонты отдельных национально-государственных историй, но и как веер по-разному определяемых макроисторических подходов – как история *транснациональная, перекрестная, связанная* и т.п. В центре внимания транснациональных исследований находятся сложные мультикультурные образования или же различные формы инокультурных сообществ, находящихся в более или менее тесных взаимоотношениях. Принципиальным в данной стратегии изучения двух или нескольких связанных объектов, принадлежащих к разным культурам, является учет субъективности и активности всех сторон взаимодействия. Ставится также вопрос о преодолении этноцентризма и латентной исключительности в актуальном межкультурном дискурсе и возможности новой интегративной концепции, способной охватить историю человечества с учетом различия культурных традиций и способов исторического мышления.

Ключевые слова: историческое описание, «новая мировая история», региональная история, «новая компаративная история», «перекрестная история», межкультурная коммуникация, диалогизм, историческая память

Литература, использованная в статье:

- Блок, Марк.* Апология истории, или Ремесло историка. Москва: Наука, 1973. 232 с.
- Вжосек, Войцех.* Классическая историография как носитель национальной (националистической) идеи // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 5–13.
- Интервью с Рейнхардом Козеллеком // Диалог со временем. 2005. Вып. 15. С. 326–340.
- Ионов, Игорь Николаевич.* Цивилизационное сознание и историческое знание. Проблемы взаимодействия. Москва: Наука, 2007. 499 с.
- Ионов, Игорь Николаевич.* Глобальная история и изучение прошлого России // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 139–153.
- Ионов, Игорь Николаевич.* Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194–218.
- Ионов, Игорь Николаевич.* Теория культурного трансфера Мишеля Эспаня и трансдисциплинарный анализ цивилизационных представлений // Общественные науки и современность. 2020. № 1. С. 148–163.
- История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Кругъ, 2006. 768 с.
- Караваева, Дина Николаевна.* Английская идентичность и ее дискурс: Британия – Англия – Северная Англия. Екатеринбург: Изд-во УРО РАН, 2016. 344 с.
- Келли, Дональд.* Основания для сравнения // Диалог со временем. 2001. Вып. 7. С. 89–105.
- Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: ИВИ РАН, 2012. 336 с.
- «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и власть в Британии и России в XVII–XVIII веках / Под общ. ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Аквилон, 2022. 1080 с.
- Маловичко, Сергей Иванович.* Национально-государственный нарратив в структуре национальной истории Долгого Девятнадцатого века // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 83–119.
- «Мыслить историю разумно». Интервью с Йорном Рюзоном // «Из первых уст...»: Историки о себе и исторической науке в этом быстро меняющемся мире / Сост. и общ. ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Аквилон, 2020. С. 72–92.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Кругъ, 2010. 960 с.

- Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности: Коллективная монография / Под общ. ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Аквилон, 2020. 464 с.
- Репина, Лорина Петровна. Историческая имагология и проблемы межкультурного диалога // «Свой» / «чужой» в кросскультурных коммуникациях стран Запада и России / Отв. ред. Татьяна Леонидовна Лабутина. Санкт-Петербург: Алетей, 2019. С. 17–46.
- Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под общ. ред. Репиной, Лорины Петровны. Москва: Аквилон, 2017. 400 с.
- Хобсбаум, Эрик Джон. Нации и национализм после 1780 года. Санкт-Петербург: Алетей, 1998. 305 с.
- Эспань, Мишель. История цивилизаций как культурный трансфер. Москва: НЛО, 2018. 811 с.
- Armitage, David. *The Ideological Origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 239 с.
- Berger, Stefan. *Comparative History / Writing History. Theory and Practice* / Eds. S. Berger et al. London: Arnold, 2003. P. 161–179.
- Chakrabarty, Dipesh. *A Global and Multicultural «Discipline» of History?* / *History and Theory*. 2006. Vol. 45. N 1. P. 101–109.
- Espagne, Michel. *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. 314 p.
- Geyer, Michael; Bright, Charles. *World History in a Global Age* // *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. N 4. P. 1034–1060.
- Hunt, Lynn. *Writing History in the Global Era*. New York; London: W. W. Norton & Co., 2014. 208 p.
- Kocka, Jürgen. *Comparison and Beyond* // *History & Theory*. 2003. Vol. 42. P. 39–44.
- Local /Global Narratives* / Ed. by R. Rechtien, Karoline von Oppen. Amsterdam; New York: Rodopi, 2007. 217 p.
- Detienne, Marcel. *Comparer l'incomparable*. Paris: Éditions du Seuil, 2000. 138 p.
- Pagden, Anthony. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800*. London; New Haven: Yale University Press, 1995. 244 p.
- Reynolds, Susan. *Empires: A Problem of Comparative History* // *Historical Research*. 2006. Vol. 79. No. 204. P. 151–165.
- Stratégies de la comparaison internationale* / Dir. par M. Lallement, J. Spurk. Paris: CNRS Editions, 2003. 306 p.
- Subrahmanyam, Sanjay. *Explorations in Connected History: From the Tagus to the Ganges*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 264 p.
- Unraveling Ties: From Social Cohesion to New Practices of Connectedness* / Ed. by Yehuda Elkana et al. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2002. 370 p.

Information about the article

Author: Repina, Lorina Petrovna — Dr. Sc. in History, Chief Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, Orc ID 0000-0002-8008-9388, Researcher ID A-8518-2018, SPIN-code 6630-2840; e-mail: lorinarepina@yandex.ru

Title: Historical writing practices in the space of intercultural interaction

Summary: Over the past half century, historical science has experienced a series of «turns», enriched with new approaches, which has led to qualitative changes in the subject field and research issues, in the structure of historical knowledge, in the practices of historical writing and professional self-awareness of historians. In this context, actual historiographic studies acquires a new status. At the heart of professional historical culture, a special type of collective memory is found, with characteristic values (primarily the requirement of reliability) and means of communication, both within one's own community and with society as a whole and with representatives of another culture. We are talking about an attempt to analyze and comprehend the specific features of historiographic texts created in different chronotopes in the conditions of intense contacts and confrontation between emerging and mutually affirmed national and cultural identities. On the other hand, as a result of the so-called spatial turn, the most striking manifestation of which was the formation of interdisciplinary research fields of global, new world and new regional history, the focus of researchers was communication processes covering the development of relationships in the world over the past half millennium. Such a history appears today not only as a set of empirical studies that overcome the limited horizons of individual national-state histories, but also as a fan of differently defined macrohistorical approaches – as *transnational history*, *histoire croisée*, *connected history*, etc. The focus

of transnational research is complex multicultural formations or various forms of other cultural communities that are in more or less close relationships. The main thing in this strategy of studying two or more related objects belonging to different cultures is to take into account the subjectivity and activity of all aspects of interaction. It also raises the question of overcoming latent exclusivity in the current intercultural discourse and the possibility of a new integrating conception, capable of covering the history of mankind, taking into account the differences in cultural traditions and ways of historical thinking.

Keywords: history writing, «new world history», regional history, «new comparative history», «histoire croisée», cross-cultural communication, dialogism, historical memory

References:

Armitage, David. *The ideological origins of the British Empire*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 239 p.

Berger, Stefan. Comparative History, in *Writing History. Theory and Practice*. Eds. Stefan Berger et al. London: Arnold, 2003. Pp. 161–179.

Blok, Mark. *Apologiya istorii, ili Remeslo istorika [Apology of history, or handcraft of the historian]*. Moscow: Nauka Publ., 1973. 232 p. (in Russian).

Chakrabarty, Dipesh. A Global and Multicultural «Discipline» of History?, in *History and Theory*. 2006. Vol. 45. N 1. Pp. 101–109.

Detienne, Marcel. *Comparer l'incomparable*. Paris: Éditions du Seuil, 2000. 138 p.

Espagne, Michel. *Istoriya civilizatsiy kak kul'turniy transfer [The History of civilization as a cultural transfer]*. Moscow: NLO Publ., 2018. 811 p. (in Russian).

Espagne, Michel. *Les transferts culturels franco-allemands*. Paris: Presses Universitaires de France, 1999. 314 p.

Geyer, Michael; Bright, Charles. World history in a Global Age, in *American Historical Review*. 1995. Vol. 100. N 4. Pp. 1034–1060.

Hobsbawm, Eric. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda [Nations and nationalism after 1780]*. St Petersburg: Aletya Publ., 1998. 305 p. (in Russian).

Hunt, Lynn. *Writing history in the Global Era*. New York; London: W. W. Norton & Co., 2014. 208 p.

Ionov, Igor' Nikolayevich. *Civilizacionnoye soznaniye i istoricheskoye znaniye. Problemy vzaimodeystviya. [Civilization consciousness and historical knowledge. Interaction issues]*. Moscow: Nauka Publ., 2007. 499 p. (in Russian).

Ionov, Igor' Nikolayevich. Global'naya istoriya i izucheniye proshlogo Rossii. [Global history and the study of Russia's past], in *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2011. № 5. Pp. 139–153. (in Russian).

Ionov, Igor' Nikolayevich. Svyazannaya istoriya mezhdru dvoynoy svyazkoy i otritcatel'noy obratnoy svyazyu [Nations and nationalism after 1780], in *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*. 2014. Vol. 46. Pp. 194–218. (in Russian).

Ionov, Igor' Nikolayevich. Teoriya kul'turnogo transfera Mishelya Espanya i transdisciplinarnyj analiz civilizatsionnyh predstavlenij [The theory of cultural transfer of Michel Espagne and the transdisciplinary analysis of civilizational ideas], in *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2020. No. 1. Pp. 148–163. (in Russian).

Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni [History and Memory: Historical culture of Europe before the Modern Age]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Krug Publ., 2006. 768 p. (in Russian).

Karavaeva, Dina Nikolayevna. *Angliyskaya identichnost' i ee diskurs: Britaniya – Angliya – Severnaya Angliya [Englishness and its discourse: Britain – England – Northern England]*. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Press, 2016. 344 p. (in Russian).

Kelli, Donal'd. Osnovaniya dlya sravneniya [Grounds for Comparison], in *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*. 2001. Vol. 7. Pp. 89–105. (in Russian).

Kocka, Jürgen. Comparison and Beyond, in *History & Theory*. 2003. Vol. 42. Pp. 39–44.

Krizisy perelomnyh epoh v istoricheskoy pamyati [Crises of turning points in historical memory]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Press, 2012. 336 p. (in Russian).

«Kul'tura duha» vs «Kul'tura razuma»: Intellektualy i vlast' v Britanii i Rossii v XVII–XVIII vekah [«Culture of the Spirit» vs. «Culture of the Mind»: Intellectuals and Power in Britain and Russia in the 17th–18th centuries]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Akvilon Publ., 2022. 1080 p. (in Russian).

Local / Global Narratives. Ed. by R. Rechtien, Karoline von Oppen. Amsterdam; New York: Rodopi Publ., 2007. 217 p.

Malovichko, Sergey Ivanovich. Natsional'no-gosudarstvennyy narrativ v strukture natsional'noy istorii Dolgogo Devyatnadsatogo veka [The National-State narrative in the structure of various kinds of national history of the Long Nineteenth century], in *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*. 2016. Vol. 54. Pp. 83–119. (in Russian).

«Myslit' istoriyu razumno»: Intervyu s Yornom Ryuzenom? [«Reasoning history intelligently: Interview with Jörn Rüsen (A. A. Linchenko)», in «*Iz pervykh ust...*»: *Istoriki o sebe i istoricheskoy nauke v etom bystro menyayushchemsya mire [«Firsthand...»: Historians about themselves and historical knowledge in the rapidly changing world]*. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Akvilon Publ., 2020. Pp. 72–92. (in Russian).

Obrazy vremeni i istoricheskiye predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad [Images of Time and historical representations: Russia–The East–The West]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Krug Publ., 2010.]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Krug Publ., 2010. 960 p. (in Russian).

Padgen, Anthony. *Lords of all the World: Ideologies of Empire in Spain, Britain and France c. 1500 – c. 1800*. London; New Haven: Yale University Press, 1995. 244 p.

Proshloye dlya nastoyashchego: Istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noy identichnosti [The past for the present: History–memory and narratives of national identities]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Akvilon Publ., 2020. 464 p. (in Russian).

Repina, Lorina Petrovna. Istoricheskaya imagologiya i problemy mezhkul'turnogo dialoga [Historical imagology and problems of intercultural dialogue], in «*Svoy*»/«*chuzhoy*» v krosskul'turnykh kommunikatsiyah stran Zapada i Rossii [«Own» / «Alien» in crosscultural communications between the West and Russia]. Ed. by T. L. Labutina. St Petersburg: Aletya Publ., 2019. Pp. 17–46. (in Russian).

Reynolds, Susan. Empires: A problem of comparative history, in *Historical Research*. 2006. Vol. 79. No. 204. Pp. 151–165.

Sobitiye v istorii, pamyati i narrativah identichnosti [The event in history, memory and narratives of identity]. Ed. by Repina, Lorina Petrovna. Moscow: Akvilon Publ., 2017. 400 p. (in Russian).

Stratégies de la comparaison internationale. Dir. par M. Lallement, J. Spurk. Paris: CNRS Editions, 2003. 306 p.

Subrahmanyam, Sanjay. *Explorations in connected history: From the Tagus to the Ganges*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 264 p.

Unraveling Ties: From social cohesion to new practices of connectedness. Ed. by Yehuda Elkana et al. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2002. 370 p.

Vzhosek, Vojcekh. Klassicheskaya istoriografiya kak nositel' natsional'noy (natsionalisticheskoy) idei [Classical historiography as a carrier of the national (nationalist) idea], in *Dialog so vremenem [Dialogue with Time]*. 2010. Vol. 30. Pp. 5–13. (in Russian).